

На правах рукописи

ГОРЯИНОВА Ангелина Сергеевна
АНТРОПОЛОГИЯ И ПРАКТИКИ НАКАЗАНИЯ В КУЛЬТУРЕ

09.00.13 – Философская антропология, философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Белгород – 2020

Работа выполнена на кафедре философии и теологии
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

Научный руководитель

Борисов Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии и теологии ФГАОУ ВО «Белгородский
государственный национальный исследовательский университет»

Официальные оппоненты

Щавелёв Сергей Павлович, доктор философских наук, доктор
исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии Курского
государственного медицинского университета;

Римский Алексей Викторович, кандидат философских наук,
преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ФГКОУ ВО
«Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И.Д. Путилина».

Защита состоится «09» июля 2020 г. в 16.00 на заседании совета по
защите докторских и кандидатских диссертаций БелГУ.09.01 по
философским наукам на базе НИУ «БелГУ» (308600 г. Белгород, ул.
Преображенская, 78, ауд. 23).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке НИУ «БелГУ»
(308015 г. Белгород, ул. Победы, 85).

Автореферат разослан «__» _____ 2020 г. и размещен на сайте
НИУ «БелГУ» (<http://www.bsu.edu.ru>).

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат философских наук, доцент

С.В. Резник

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Система наказаний выстраивается обществом, определяющим ценностные и нравственные ориентации, границы допустимого, сферу сакрального: поэтому в каждой отдельно взятой культуре будут свои представления о наказаниях, начиная от практик родительского воспитания до наказаний за преступления. Очевидно, что каждое исторически сложившееся общество демонстрирует различия в интерпретационных моделях наказания, в зависимости от условий её культурного развития. Человечество за многие тысячелетия выбрало отдельные виды наказаний, которые могут присутствовать в любых культурах (изъятие имущества, штрафные санкции, заключение или изоляция, ссылка или изгнание и т.д.), но символическое значение наказаний, способы их исполнения, оценка и отношение к наказаниям меняются с течением времени.

В жизни современного общества особое место занимают наказания за уголовные преступления. В мире наблюдается основная тенденция гуманизации практик и системы наказаний. С одной стороны, это продиктовано утверждением прав личности каждого человека и углублением гуманизма и общечеловеческой нравственности, с другой – очевидностью того, что наказание не всегда приносит нужный эффект, на что указывали многие мыслители и писатели прошлого. Система пенитенциарных учреждений развивалась и совершенствовалась долгие века, но так и не стала идеальным решением проблемы преступления и преступника через наказание. Работа судов присяжных заседателей является доказательством осуществления обществом попыток организовать идеальный, объективный процесс вынесения судебных решений, в результате и действенности которого был бы уверен и заинтересован каждый гражданин.

Необходимо изучать не только рациональную и законодательную рефлексию общества на проблему наказания, но и самосознание самих осуждённых преступников, несущих наказание. Осуществить это возможно посредством выделения интерпретационных моделей в отношении наказания как такового. Поскольку интерпретационные модели наказания могут меняться с течением времени, осветить этот вопрос необходимо в культурно-исторической перспективе. Результативно сравнивать не только понимание феномена наказания в тюремной субкультуре, но и в художественной классической литературе, которая в какой-то степени и может представить реакцию общественности на практики наказания.

Исходя из этого, становится необходимым изучать и реконструировать культурно-антропологические модели понимания практик наказания, свойственные или присущие той или иной культуре, особенно отечественной.

Степень научной разработанности проблемы. Существует несколько крупных научных направлений, связанных с темой исследования феномена и практик наказания в социально-гуманитарных науках и философии.

В философии, социологии и этике проблемами преступности и наказания, а также юридическими аспектами пенитенциарных учреждений занимались многие классики философии и науки Ш. Монтескье, И. Кант, Г. Гегель, Л. Фейербах, Ф. Ницше, И. Бентам, Ч. Беккариа, У. Веннинг, Р. Гарофало, Г. Тард, Дж. Говард, Дж. Локк, Ч. Ломброзо, А.Ф. Кистяковский, С.П. Мокринский, П.А. Сорокин, М.Н. Гернет и др. Здесь мы находим основные философско-методологические парадигмы интерпретации практик наказания и антропологии преступности. Из представителей неклассической философии следует отметить работы М. Фуко, которые возникли на самом пике реформирования западной пенитенциарной системы в контексте молодёжных протестных движений 60/70-х годов XX века.

В решении проблемы философского понимания практик наказания мы опирались на ведущих представителей философской герменевтики (Ф. Шлейермахер, Э. Бэтти, В. Дильтей, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, П. Рикёр и др.). В современной отечественной философии следует упомянуть работы таких близких нам российских авторов, как Е.Н. Мотовникова, П.А. Ольхов, Т.Г. Щедрина, которые внесли большой вклад в интерпретацию глубинных смыслов русской философии и культуры XIX-XX веков.

Из отечественных авторов, исследующих преступность и практики наказания мы использовали наработки Е. Азаряна, С.П. Андрусенко, Ю.К. Волкова, И.П. Парфиненко, О.В. Кирсановой, А. Туманова, И.М. Рагимова, В.В. Есипова, М.А. Павловой, В.Д. Плахова. Историю и антропологию наказаний, в том числе и их развитие в России, изучали И.Я. Фойницкий, М. Ступин, Н.И. Евреинов, В.А. Уткин, И.С. Кон, Н.Л. Пушкарёва, И.Я. Козаченко, Е. Кашеворникова, А.В. Золотарев, В.И. Ионесов и многих других.

Изучением тюремной субкультуры, насилия и практик наказания занимались такие западные авторы, как Л.Х. Баукер, У. Бондессон, Дж. Дина Браун, Д. Ворд и Д. Вилнер, Э. Гоффман, Ф.С. Граунманн, Р. Дитрих, Р.В. Драун и М.Э. Пелц, Дж. Ирвин, Д. Клеммер, Д. Кресси, Г. Кссебаум,

Д. Маурер, С.Л. Мессинджер, Э. Партридж, Э.С. Пул, П.Х. Ральф, Дж. Ройбак, М.Г. Сайкс, Э. Сапир, С.Р. Титтл и Д. Титтл, Дж. Томас, С.В. Томас, П.Л. Фалкнер и В.Р. Фалкнер, С. Фишер, К.М. Хесс, Т. и Х. Эйнат и др.

Применительно к тематике практик и системы наказаний в российской культуре следует отметить, что многие отечественные авторы занимались и занимаются историческими исследованиями, связанными с Сибирью, каторгой и ссылкой: С.В. Адаменко, М.К. Азадовский, О.Б. Березина, М.Г. Бодяк, Н.Ф. Васильева, А.А. Власенко, А.А. Иванов, С.Ф. Коваль, С.В. Кодан, Б.Г. Кубалов, Ф.А. Кудрявцев, Н.П. Курусканова, В.Н. Максимова, Д.А. Мясников, М.В. Нечкина, Т.А. Перцева, Е.С. Сальникова, Н.Г. Степанов, М.Н. Супрун, А.В. Филатов, Г.А. Шайдурова, М.В. Шиловский и др.

Из современных отечественных учёных проблематику наказаний и тюремных субкультур разрабатывали А.Н. Олейник, Ю.М. Антонян, В.А. Верещагин, Г.Б. Калманов, И.В. Лысак, Ю.Ю. Черкасова, В.Я. Семке, А.В. Диденко, М.М. Аксенов, В.Ф. Абрамкин, Н.В. Тищенко, Е.П. Ткачева, Е.Г. Клеймёнова, Н.А. Яковлев, В.В. Меркурьев, Е.А. Богачевская, А.А. Егоров и Э. В. Комолова, В. Челидзе и др. Выбор тюремной субкультуры для приоритетных целей нашего исследования обусловлен необходимостью осознать влияние практик наказания на тюремную (пенитенциарную) субкультуру, сконцентрированную в тюрьмах и колониях. В этой среде, которая создается ради изоляции преступника и его «исправления», происходит, тем не менее, укоренение криминальных ценностей и налаживание коммуникации среди уголовников. Тюремная субкультура выходит за стены исправительных учреждений и распространяется путём включения в современную массовую культуру. В этой среде рождается особое мировоззрение, изолированное от общественного, которое включает в себя альтернативные интерпретации действительности. В тюремной среде закрепляется и передаётся, становится традиционным отношение к разным сторонам действительности, к прошлому, настоящему и будущему, к реальности и повседневности. Вот почему мы уделяем в тексте внимание субкультурным интерпретационным моделям действительности. Изучением тюремного творчества, творчества бывших заключённых занимаются Н.П. Новикова, Н.Н. Родигина, Д.К. Оразаева, А.П. Ельчанинов, М.Л. Лурье и др. Миф в контексте тюремной субкультуры исследуется Ю.Ю. Черкасовой.

Мы использовали идеи философии насилия, содержащиеся в работах белгородских учёных (А.В. Артюх, С.Н. Борисов, С.В. Резник, В.П. Римский и др.). Следует отметить, что в рамках нашей научной школы в 2019 году по проблемам преступных субкультур была защищена кандидатская диссертация Э.Н. Гущина, идеи и направления которой мы также стараемся учитывать и развивать в своей работе.

Всё это позволяет аккумулировать опыт самых разных философов и представителей социально-гуманитарных наук. Однако изучение степени разработки проблематики показало, что необходимо исходить из динамичного изменения феноменологии практик наказания, их восприятия и интерпретации в социально-историческом контексте русской культуры.

Опираясь на такое понимание, мы выделили **объект исследования** – *феномен и практики наказания в традиционной и современной культуре в сравнительном контексте.*

Предметом исследования является *антропология и практики наказания в культуре и их отражение в философии, науке и отечественной художественной литературе и фольклоре заключённых.*

Цель работы: *реконструкция культурно-антропологических моделей понимания практик наказания в традиционной и современной мировой и отечественной культуре.*

Для достижения намеченной цели автором были поставлены следующие **задачи:**

- дать интерпретацию научных, философско-культурологических и антропологических парадигм исследования практик наказания в работах отечественных и зарубежных авторов для реконструкции основных культурно-антропологических моделей понимания практик наказания;
- выявить векторы философско-антропологического осмысления практик наказания в русской науке и философии в контексте отечественной истории культуры;
- определить основные культурно-антропологические модели понимания практик наказания, репрезентированные в классической художественной литературе России;
- описать и реконструировать антропологический опыт наказания заключённых разных исторических периодов и представляющие его культурно-антропологические модели понимания практик наказания.

Теоретические и методологические основы исследования. В качестве исторического материала исследования используются классические произведения русской художественной литературы, принадлежащих

крупным писателям (М.Ю. Лермонтов, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, А.И. Солженицын, В.Т. Шаламов и другие авторы), история религиозных и светских практик наказания, песенно-поэтический фольклор заключённых.

Источниками служили опубликованные в открытом доступе архивы и издания: «Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев» (1934 г.), опубликованное Государственной публичной исторической библиотекой; электронные книги памяти жертв политических репрессий (в том числе и по регионам); электронный ресурс Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал», база данных «Открытый список», Центр «Возвращённые имена» при Российской национальной библиотеке и т.д.

Для разработки темы приходилось обращаться к философской, культурно-антропологической, исторической, социологической, художественной и юридической литературе, учитывая междисциплинарный характер темы исследования, что нашло основное отражение в библиографии.

Мы опирались на историко-философский и системный методы в изучении и аналитике всего объёма привлекаемого материала; сравнительно-исторический и кросскультурный методы (1 глава); историко-юридический метод (1.1); семиотический метод исследования практик наказания (1.2); социально-антропологические и философско-антропологические подходы (1 и 2 глава); герменевтический метод (1 и 2 глава).

Научная новизна исследования находит отражение в следующих позициях:

- доказано, что исследование проблематики эволюции пенитенциарных практик и феномена наказания учёными и философами разных исторических периодов позволяет реконструировать и определить основные культурные модели понимания наказания, которые включают не только теоретическую, мыслительную рефлексия, но и экзистенциальную онтологию практик наказания в культуре;

- выявлено, что философско-антропологическое осмысление практик наказания в русской науке и философии в контексте отечественной истории культуры демонстрирует специфические культурно-антропологические модели понимания практик наказания, которые характеризует восприятие наказания сквозь призму христианской (православной) аксиологии,

причудливо наполненной в XIX-XX веках модернизационными и просветительскими коннотации и смыслы;

- утверждается, что творческо-философские репрезентации и интерпретации феномена наказания в отечественной художественной и публицистической литературе преломляют основные мировые и отечественные культурно-антропологические модели понимания практик наказания в образах русской художественной культуры;

- реконструированы культурно-антропологические модели понимания практик наказания на основе образов фольклорного и литературного творчества заключённых в тюремной субкультуре разных временных периодах русской культуры.

Положения, выносимые на защиту:

1. История исследования феномена практик наказания в культуре (многозначного по смыслам и значениям) показала, что объяснения и интерпретации этого предмета как отечественными мыслителями, учёными и литераторами, так и людьми (осуждёнными), пережившими экзистенциальный опыт несения наказания, вполне сопряжены в онтологии реальной культуры и тем самым позволяют реконструировать культурно-антропологические модели понимания практик наказания в разные исторические периоды. В контексте мировой культуры можно предварительно выделить следующие *общезначимые культурные модели понимания практик наказания*: наказание как благо для рода (в древних или примитивных культурах); наказание как благо для жертвы преступления (в традиционной культуре); наказание преступника как благо для религии (в религиозных обществах или древних культурах); наказание как благо для преступника (наказания грешников ради спасения их души в Античности и Средневековье, в современном гуманном обществе – момент воспитания и личностного преобразования преступника); наказание преступника как благо для государства, монарха, власти или закона (например, в монархиях эпохи Средневековья); наказание как благо для общества (в культуре Нового времени); наказание как благо для истории (в переломные исторические моменты).

2. В русской традиционной и современной культуре культурно-антропологические модели понимания практик наказания получили своё специфическое преломление: трансцендентная христианская модель (тюрьма как образ Небесного Иерусалима на земле); христиански-стоическая (наказание как страдание и мучение, которое человек вынужден претерпеть); бунтарская, протестная (с наказанием нужно радикально бороться, включать

в эту борьбу широкие круги населения); мемориальная и демемориальная (наказание увековечивает память о человеке, как в случае «страданий революционеров», так и способствует забвению его, поскольку человек «вычёркивается» из жизни общества).

3. Классики русской литературы в своих произведениях репрезентируют разные модели интерпретации наказания, этические и нравственные установки, но в целом они воспроизводят не только личностное отношение, но и светско-государственную и религиозную аксиологию. В русской классической литературе можно выделить следующие культурно-антропологические модели понимания практик наказания: социально-этическую, государственно-патриотическую, морально-христианскую, стоическую, скептическую, сочувствующую. Литературная интеллигенция рассматривает уголовные наказания как необходимую, но малоэффективную меру борьбы с преступлениями.

4. Практики наказания, репрезентированные субъектами, имеющими опыт наказания, не всегда носят негативный характер и можно выделить следующие субкультурные модели понимания практик наказания: морально-инфернальная (тюрьма это яма, ад, сосредоточение всех людских несчастий и пороков); оптимистическая (наказание приводит к счастливому финалу); завещающая (терпение наказания как пример жизни выдающихся личностей, героев); фатальная (наказание неизбежно, часть судьбы и «злого рока»); обвинительная и этико-отрицающая (наказание уродует человека); дискуссионная (о наказании надо рассказывать обществу, жаловаться, искать правду бороться за права человека); социально-иерархическая (наказание обнаруживает социальную несправедливость или наоборот, способствует обретению какого-либо особенного статуса); экзистенциальная (о наказании не стоит беспокоиться, оно затрагивает только тело, но не ломает дух).

Достоверность и обоснованность результатов исследования определяются комплексным использованием научных методов и подходов, корректным применением научных терминов и положений, изучением философской и научной литературы, фольклорных и исторических источников.

Научно-теоретическая значимость исследования обоснована тем, что в исследовании затронута тема формирования отечественных практик уголовного наказания с позиций культурно-антропологического анализа, проведено описание интерпретационных моделей наказания в отечественной классической литературе и в тюремной субкультуре, выявлены основные

особенности восприятия наказания и его рефлексии представителями русской культуры, интеллигенцией, а также уголовной (тюремной) средой.

Результаты диссертационного исследования имеют значение для лучшего понимания контекстов русской культуры, в которой феномен наказания является важной составляющей этико-философского и жизненного мировоззрения людей, поскольку вопросы справедливости, чести, воздаяния, праведности весьма актуальны как для русской, так и для христианской культуры в целом.

Практическое значение исследования заключается в возможности дальнейшей научно-философской разработки ряда наблюдаемых явлений, таких как социальная реакция на преступность, адаптация заключённых к жизни вне стен тюрьмы, опыт переживания наказания и отчуждения от общества, жизненные установки заключённого и его смысл жизни, личностные трансформации заключённых в условиях неволи, воздаяние, возмездие, справедливость и принцип талиона в современном обществе или обществах исторического прошлого и т.д.

Результаты исследования органично включаются в спецкурсы юридических и гуманитарных дисциплин, в психологическую и методическую работу в центрах реабилитации заключённых, общественных организациях, связанных с пенитенциарной системой, структурами, защищающими права человека, при работе с подростками-заключёнными или подростками, освободившимися из колоний, в работе социальных служб.

Материалы диссертации могут быть использованы для подготовки учебно-методических материалов, монографий, программ, которые используются в процессе обучения студентов, а также при организации психотерапевтических практик, в частности на основе библиотерапии, ориентированной на классическую литературу, в работе с людьми, получившими опыт заключения.

Личный вклад автора заключается в реконструкции различных исторических типов культурно-антропологических моделей понимания практик наказания, реализованной впервые. В исследовании интерпретативных моделей наказания в среде русской творческой интеллигенции, а также в тюремной субкультуре осуждённых. Впервые реализовано осмысление экзистенциального опыта наказания в русской культуре и его репрезентации в фольклоре и отечественной литературе XIX-XX веков.

Апробация основных результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования представлялись на

аспирантских семинарах, на всероссийских и международных научных конференциях, среди которых: Международной научной конференции «Что такое сообщество? Социальная герменевтика. Власть и медиа» (21-22 октября 2019 г.), Международной научной конференции «Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики» (21 марта 2018 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики» (25-26 февраля 2017 г.).

Основные положения диссертации изложены в научных статьях. Всего по теме исследования опубликовано 7 статей (в том числе 1 статья в журнале, индексируемом в Scopus, и 3 статьи в журналах из списка ВАК РФ) общим объемом 1,85 п.л.

Диссертационное исследование соответствует следующим пунктам паспорта специальности 09.00.13 Философская антропология, философия культуры: 2.8. Феномены человеческой субъективности, 2.9. Понятие человека в различных философских системах, 2.10. Антропологические конфигурации философии, 2.18. Культурно-философская антропология, 3.11. Универсум культуры.

Структура работы. Диссертация содержит введение, две главы, состоящие из двух параграфов каждая, заключение, библиографический список.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, определяется его объект, предмет, цель и задачи, представлена степень разработанности проблемы, научная новизна и практическая значимость, изложены основные положения, выносимые на защиту.

В *первой главе «Культурно-антропологические модели понимания практик наказания»* раскрывается авторское понимание и исследовательская позиция в предметном поле избранной тематики – осмысления антропологии и практик наказания в культуре – с опорой на опыт мировой философии и науки, а также на результаты осмысления феномена наказания в контексте отечественной культуры.

В *первом параграфе «Реконструкция антропологии и практик наказания в науке и философии»* отмечается, что феномен наказания долгое время являлся предметом изучения юридических наук. В любой культуре наказание – феномен, репрезентирующий основу, связи и структуру социальных отношений, а так же явление, раскрывающее «человеческого в человеке»: способность страдать, ошибаться, исправляться, терпеть,

переносить боль и унижения, переживать и сопереживать, определять вину и проявлять милосердие.

Выбор наказания и степень его суровости всегда зависит от понимания и интерпретации сущности наказания субъектом или группой лиц в каждом случае вынесения судебного решения. Это понимание во многом подготовлено традиционными установками в отношении наказания, не просто бытующими, но *онтологически укоренёнными в культуре*. Культурные традиции отражаются в юридической практике наказаний и даже могут провоцировать создание судебных прецедентов. Но очевидно, что здесь мы волей или неволей выходим в предметное и методологическое пространство философии (философии культуры и философской антропологии), всегда сложно взаимодействующей с научными подходами и результатами исследования того или иного феномена. Если в юридических науках разнообразие подходов к проблеме наказания может оказаться неудобным и пагубным, то в философии и этике данное обстоятельство не является существенной проблемой. Зафиксированные в философско-этических трактатах известных философов интерпретации наказания отражают культурно-социальное развитие каждой эпохи.

В истории науки и философии понимание феномена наказания выступало в разных сменяющихся интерпретациях и описаниях. Общество находило в этом своеобразную лазейку, чтобы снять с себя нравственные терзания по отношению к преступнику и не уподобиться в своём насилии ему самому. С другой стороны, давая те или иные интерпретации наказанию преступников, общество и каждый индивид в отдельности решают массу других задач: переживают «торжество справедливости», отстраняются, уходят от ощущения слабости, бессилия перед проблемой преступности, сглаживают моменты разочарования относительно действия судебной или исправительной системы и т.д.

Философская герменевтика придаёт больший смысл и содержательность объекту истолкования и феноменологической реконструкции, обозначает взаимообусловленность и связь описаний, объяснений, интерпретации в *целостном понимании*. Философская герменевтика не исчерпывается «интерпретацией» и включает в себя не только познавательно-мыслительные процедуры «понимания», но и онтологические, и экзистенциальные модусы. Мы полагаем, что при изучении феномена практик наказания в культуре (многозначного по смыслам и значениям) можно определить, что понимание (объяснения и интерпретации) этого предмета как отечественными мыслителями, учёными

и литераторами, так и людьми (осуждёнными), пережившими экзистенциальный опыт несения наказания, вполне сопряжены в онтологии реальной культуры, и тем самым позволяет реконструировать и выделить *культурно-антропологические модели понимания практик наказания* в разные исторические периоды, которые одновременно репрезентируют и включаются и в саму *культурную феноменологию наказания*.

В архаических религиях и древних культурах формируется практическая модель и рациональное осмысление наказания как блага для мифо-сакрального бытия человека, а и преступления как греха и нарушения протозакона. Античная культура известна глубокой убеждённой в торжестве закона, в необходимости подчинения ему даже в тех ситуациях, когда исполнение законом установленного наказания оборачивается печальными последствиями (например, как в ситуации с наказанием Сократа, которого он не хотел избегать и полагал, что наказание – это страдание). Кроме этого, античные мыслители закладывают основные этические понятия, развитие которых, несомненно, скажется впоследствии не только в европейской юридической практике, но и в культурном осознании проблемы наказания.

Позднее западное Средневековье, часто не отличимое от Ренессанса, внесло своё понимание в практики наказания человека, каковыми в то время оказывались в основном религиозные еретики, инакомыслящие и инакодействующие с точки зрения господствующей католической религии. Средневековые преследования еретиков, суды инквизиции только расширяли практику применения наказаний, а также теоретизировали и накапливали способы причинения наибольших страданий человеку. В литературе эпохи Ренессанса применение наказания в разных случаях оправдывалось, особенно если оно служило воспитательным целям (литературные произведения содержали морализацию).

В середине XVIII века появляется труд итальянского классика теории «гуманизации наказания» Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях», в котором он высказался против пыток и смертной казни, поскольку радикальные наказания ожесточают людей, а исполнение смертной казни невозможно, поскольку у отдельного человека нет возможности распоряжаться своей жизнью, нет такого права и у общества. Осознание проблематики наказания в русле философии и этики «гуманизации наказания» происходит в работах крупнейших немецких мыслителей Просвещения: И. Канта (отвергал полезные цели наказания, кроме возмездия), И.Г. Фихте (наказание как лишение правоспособности не

отвечает цели государства сохранять безопасность прав граждан), Г. Гегеля и др. Множество мыслей о наказании можно найти у Ф. Ницше, который рассматривал наказание как возмещение убытка потерпевшему (хотя бы через аффект) и как средство изоляции человека, нарушающего равновесие общества, как метод устрашения, как компенсация нажив преступника (если он трудится), как объявление войны против врага мира, закона, порядка, начальства, как компромисс с состоянием мести, и даже как «браковку выродившегося элемента», как «вколачивание памяти» (исправление), уплату гонорара власти, оберегающей преступника от мести, а также как праздник, акт насилия и надругательства над поверженным врагом.

Представители позитивизма исходили, прежде всего, из необходимости изучения преступности и считали наказание средством исправления, но наказание как устрашение не может действовать постоянно. Это мнение противоречит мнению Г. Тарда, который полагал, что угроза наказания есть основное средство предотвращения преступления и высказывался относительно необходимости обеспечения действительности угрозы. Наказание, с его точки зрения выполняло своеобразную санитарную функцию, поскольку предполагало изоляцию общественно опасных людей. Фактически, в работах данных мыслителей начинал реализоваться социопсихологический подход к рассмотрению явления наказания.

При затрагивании темы истории наказаний нельзя не вспомнить о французском интеллектуале М. Фуко с его классической работой «Надзирать и наказывать», которая, казалось бы, объяснила всю подоплёку эволюции наказаний и представила наиболее полную рефлексию этой проблемы в наши дни. Особенно оригинальными являются его идеи о том, что современное общество постепенно переходит от контроля тела к контролю сознания, о том, что общество судит, в основном, страсти, инстинкты, аномалии, физические недостатки, неприспособленность, последствия воздействия среды или наследственность, о том, что существует 4 типа обществ по типу «избавления» от живых людей: «общества бойни и ритуальных убийств», «общества ссылки», «общества реабилитации», «общества заключения».

В совокупности мы видим достаточно подробный анализ феномена наказания в мировой философии и науке, что позволяет конкретно-исторически определить специфику пенитенциарных практик и систем в контексте культуры, выявить их философско-антропологические аспекты и культурно-антропологические модели понимания практик наказания.

Во *втором параграфе «Философско-антропологическое осмысление практик наказания в русской культуре»* автор ставит задачу выявить

векторы философско-антропологического осмысления практик наказания в русской науке и философии в контексте отечественной истории культуры и исходит из того принципа, что в любой культуре наказание является архаичным феноменом, репрезентирующим основу, связи и структуру социальных отношений, способно раскрыть и обнажить характеристики «человеческого в человеке».

Развитие отечественной системы наказаний повторяет путь западноевропейской системы: в частности, наказания утверждаются как основа государственной власти, развитие тюрьмы происходит в более поздние периоды истории, нежели появление материальных взысканий, телесных наказаний и казней. Наибольшую проблему с точки зрения философии и науки составляла практика применения телесных наказаний и унижения личности наказуемого, что и нашло отражение в работах отечественных учёных и писателей. Причём, отечественные мыслители и писатели подошли вплотную к этому анализу ещё в XIX веке.

В России, пережившей так много потрясений в XIX-XX веках, философская рефлексия относительно наказаний, уголовного права была многократно усилена, причём не только по отношению к отечественным историческим реалиям, но и к западным практикам. Захватывалась не только тема наказания, но и образы преступника, заключённого, каторжанина, описывалось самое дно общества. Так, П.А. Сорокин в своей ранней, доэмигрантской работе определил причины увеличения количества и степень жестокости наказаний, более того – подошёл к проблеме увеличения количества насилия вообще, используя социологический подход.

Задача учёных первых десятилетий советской власти состояла в описании и осознании всех произошедших событий, авторы акцентировали внимание на революционных и околовреволюционных событиях в России, изучали царскую тюрьму и ссылку. Такие исследования проводились сквозь призму человеческих судеб и биографий, это вносило в изыскания героический и в то же время гуманный компонент. Поэтому собранные сведения вполне могут считаться материалом для культурно-антропологического исследования и причислены к такому направлению науки. Само наказание представляло собой необходимый этап мученичества на пути к всеобщей (практически мировой) справедливости и благоденствию. В настоящее время изучение наказания (не только как феномена юридической практики, но и культуры, антропологии, философии и социологии) продолжается рядом отечественных исследователей.

Обосновывается предположение, что в русской культуре актуальное значение обретает специфика понимающего осмысления наказания отечественными учёными, интеллектуалами-писателями и даже представителями тюремной субкультуры (в лице Ф.М. Достоевского это совпадало). Авторы в своей рефлексии рефлексий концентрируются на таких моментах, какими являются тяжкие моральные (стыд, ожидание смерти, социальное забвение) и физические страдания (холод).

Уже в мифах и фольклоре различных народов (в том числе славянских) присутствуют сюжеты с телесными наказаниями. Изучая традиционную русскую культуру, необходимо учитывать влияние на неё христианской культуры в целом. Разница между христианскими догматами и жаждой справедливости в русском народе порождала затруднения в оценке жестокости того или иного вида наказания: христианская культура испытывала наибольшие сложности в репрезентации практик наказания. Это особенно заметно при осмыслении практик наказания в контексте борьбы с ересями и шире – с религиозным инакомыслием (особенно со старообрядческим расколом).

В русской традиционной культуре милосердное отношение к заключённым имеет особый, значимый характер, производный также из христианских принципов, но и из «народной среды». Милосердное отношение объясняется пониманием того, что каждый человек может стать волей случая узником (пословица «От сумы, да от тюрьмы не зарекайся»). В культурной традиции интуитивно обозначено, что с милосердным отношением должен восприниматься любой узник; это обстоятельство, легло в основу особого интереса к фольклору, описывающему страдания в неволе, в любовь к «тюремным» песням. Милосердие к узникам в русской культуре исходило не только из православного сознания, но и из культурной памяти о жертвах старообрядцев, наблюдений за страданиями заключённых, из фактов более поздней истории страны, имело выражение в подаяниях заключённым, в молитвах о заключённых, что выражено и в русском фольклоре. Народным сознанием создавался образ преступника, который включал в себя черты не только беспримерной жестокости или самоотдачи, но и почти нечеловеческой силы, выносливости, жизнеспособности, выдержки (только ужасная казнь способна прервать такое мощное стремление жить). Косвенно об этом свидетельствует пословица «Руби голову по могучие плеча», некоторые песни заключённых. С другой стороны, оступившийся человек обесценивался: «Виноватого кровь вода, а невинного беда».

Одним из исходов развития системы наказаний в Европе и России оказался нелюбимый результат сплавивания отрезанных от общества групп людей, попавших в тюрьму, ссылку или на каторгу (маргинальная тюремная субкультура). В России криминализация и маргинализация осуждённых происходила немного позднее, чем это было в Европе. В тюрьме личность человека как будто умирала и рождалась заново (этому способствовали и множественные ритуалы тюрьмы – появление кличек вместо имени, смена одежды, пострижение волос, мытьё и т.д.). Наличие стен, запоров и ключей вызывало ассоциации с местом, вынесенным за любые пределы, в которое не каждому дано проникнуть. Как и в монастыре монах, узник тюрьмы имел возможность отрешиться от прошлого, задуматься и посвятить своё время мыслям о Боге, а порой – и полезному труду.

Развитие каторги и ссылки в России совпало по времени с воцарением на престоле династии Романовых, осуществлявших активную территориальную и колониальную политику в создаваемой империи. Возможно, поэтому такие виды наказания и стали развиваться в России, а заключённые отчасти играли роль переселенцев, осваивающих новые территории и природные ресурсы, хотя аналогические тенденции можно обнаружить и на Западе (например, колонизация Австралии).

В русской традиционной и современной культуре обозначенные культурно-антропологические модели понимания практик наказания, подспудно также имели место, но получили своё специфическое преломление. Интерпретация и понимание наказания, которую осуществляет субъект (индивидуальный и коллективный), во многом подготавливается и формируется родной для него культурой. Для традиционной русской культуры характерно восприятие наказания сквозь призму христианской (православной) культуры. Для современной культуры, начиная с XVIII века, характерны модернизационные и просветительские коннотации и смыслы. Условно все наказания можно сгруппировать в несколько категорий. Исторически, практики применения наказания формировались по двум направлениям: «суровость наказания» (смягчённое наказание – радикальное наказание) и «принцип доставления наказания» (посредством телесных, психологических страданий или через материальный ущерб, хотя, в какой-то степени, материальный ущерб можно тоже отнести к моральным страданиям).

Во *второй главе «Образы и опыт наказания в русской культуре»* выявленные философско-культурологические принципы и подходы, а также

теоретические установки применяются к исследованию и пониманию антропологического опыта и его осознания в идеях и образах русской классической литературы, а также в фольклорном творчестве заключённых.

В первом параграфе *«Культурно-антропологические модели понимания и образы наказания в русской художественной литературе»* определены основные культурно-антропологические модели понимания практик наказания, репрезентированные в классической художественной литературе России.

Исследование начинается с интерпретации одного из первых литературных источников в русской культуре, хранящий в себе исторические свидетельства и рефлексию переживаемого наказания – это «Житие протопопа Аввакума» (1672-1675), в котором отразилось стойкое и неустрашимое отношение ко всем лишениям, не способным переломить веру мученика. Выраженное стоическое отношение к наказанию, связывание телесных мук с терпением христианина ради духовных истин, сыграло огромную роль в становлении русской этической мысли и отразилось в последующих этапах развития культуры. С другой стороны, существует соблазн объяснить это смиренным терпением русского человека практики телесных наказаний. Хотя общество периодически и пыталось протестовать теми или иными способами против телесных наказаний, но они продолжались исполняться, возможно, из-за слабой реакции общественных групп, а также культурной установки на терпение и смирение (особенно в среде обездоленных людей, крестьян, нищих, бедных мещан; в то время как у обеспеченных сословий потребности в сопротивлении, фактически, не было – телесные наказания к высоким сословиям применялись чрезвычайно редко).

Важный шаг в рефлексии наказания был сделан А.Н. Радищевым, отправленным в сибирскую ссылку. Он оставил записи и письма, в которых можно узнать подробности его ссылки, наблюдения за природой и климатом, за особенностями Сибири, а кроме этого написал работы «О человеке, о его смертности и бессмертии» (1792-1796) и «Сокращенное повествование о приобретении Сибири» (1791-1796). Судя по всему, в отличие от других писателей, получивших опыт несения наказаний, ссылка А.Н. Радищева не придала ему душевных сил и вдохновения, а работал он вопреки всему, существенно не находя в наказании новых стимулов для своего литературного развития, возможно остро чувствуя своё униженное положение.

Характерно, что русские писатели XIX века не раз обращались в своём творчестве к теме заключения, неволи, наказания. Свобода – идея для европейской культуры основополагающая. Поскольку в русской повседневности, начиная с периода Просвещения, постоянно возникал вопрос о свободе человека (крепостное право, рекрутская повинность, каторга и ссылка, насильный постриг и т.д.), да ещё и на фоне сравнения с жизнью Европы, неудивительно, что многие деятели искусства обратили своё творчество к этой социально актуальной теме. Но и до этого периода крупные исторические события постепенно формировали и подготавливали момент осознания обществом масштабности проблемы наказания (репрессии старообрядчества).

Для литераторов русского Просвещения характерно обращение к европейской литературе, которая была насыщена самыми разными идеями гуманизации наказания. Одной из отправных точек общественного интереса можно считать декабрьское восстание 1825 года, когда русская мыслящая дворянская интеллигенция впервые непосредственно и напрямую столкнулась с ужасающим мраком тюрьмы и холодом каторги и ссылки (до этого, например, судьба Радищева была явлением единичным). Поэты как будто ищут свободу вне общества, вне людей, осознавая, что социум накладывает на любого жёсткие обязательства, законы, рамки поведения. Представление о человеке, который должен быть наделён свободой в духе романтизма, перекликалось с популярным образом дикаря, воспроизводимого общей культурой европейского Просвещения.

В 1822 году ссыльный А.С. Пушкин пишет стихотворение «Узник». Предполагают, что основу произведения могло лечь впечатление от посещения поэтом Кишиневского острога. В 1821 году М.Ю. Лермонтов сочиняет стихотворение «Кавказский пленник», а в 1839 году создаёт поэму «Мцыри», сочетая образы воли и неволи в едином литературном тексте. Первые интерпретации, которые явно видны при прочтении данных литературных произведений – это репрезентация заключения как причины невыносимой жизненной скуки и тоски, граничащей с жаждой смерти, желанием уйти от неё любой ценой. Например, в стихотворении А.С. Пушкина наряду с желанием улететь присутствует образ окровавленной пищи, «мертвого тела», а поэма М.Ю. Лермонтова «Мцыри» заканчивается не только смертью животного, но и угасанием главного персонажа как живого существа, подобного зверю, жаждущего свободы, тоскующего по родине, т.е. проявляется патриотическая интерпретация категорий свободы и не-свободы. Свобода есть упоение жизнью для писателей и поэтов

романтизма. Но в то же мере и смерть – это также освобождение. Освобождённый человек настолько счастлив, что не может кого-то проклинать или желать зла. Таким образом, причина всех несчастий для романтиков лежит не столько в самом человеке, сколько в обстоятельствах, заставляющих человека утратить свободу.

С другой стороны, проникающие тенденции европейского романтизма (причины которого следует искать совсем в других, непохожих реалиях жизни) позволили не выгладеть теме наказания слишком мрачно или революционно, на фоне утверждающейся эстетики самого романтизма, а позднее – и модерна. Противопоставляя и сравнивая в силе природу и человека, романтики смягчали мрачность сюжетов картинами роскошной, буйной природы, прекрасной даже в своей ярости, дикости. Литературная интерпретация М.Ю. Лермонтовым феномена наказания обнаруживает две *культурно-антропологические модели понимания наказания: социально-этическую* (момент примерения, единения с людьми, миром, когда тень преступника не ложится на его потомство и он чист перед всем миром после казни, защита чести и торжество справедливости) и *государственно-патриотическую* (наказание как утверждение легитимной власти, справедливости).

Рассматривая наказание и неволю как сюжет произведений русской культуры, можно заметить интересную закономерность. Пожалуй, не только литераторы, но и художники своевременно обратили своё внимание на эту проблему человеческого существования, а может быть, даже обратились к ней раньше. В живописи предыдущих столетий изредка могла использоваться аллегория птицы в клетке для обозначения неволи, но в 1888 году русский художник Н.А. Ярошенко представляет картину «Всюду жизнь» с обратной символикой – птицы на воле, свободны, а люди – в клетке железнодорожного вагона. В XIX веке, рассуждения относительно философской категории «воля», «свобода», и обратных им антагонистических категорий, более явно проявятся в русской живописи, где уже не используются неясные аллегории, а происходит обращение к историческим сюжетам.

Более полно тема наказания прозвучала во второй половине XIX – первой половине XX веков. Например, в творчестве В.Г. Короленко получила осмысление ссылка в Сибирь и другие места, присутствуют наблюдения за осуждёнными («Соколинец», «Искушение», «В подследственно отделении» или «Яшка», «Марусина заимка», «Фёдор Бесприютный», «Легенда о царе и декабристе», «В ночь под светлый праздник», «Бытовое явление. Заметки

публициста о смертной казни», «Гомельская судебная драма»). В целом писатель воспроизводит *человеколюбивую, гуманистическую культурно-антропологическую модель* восприятия судьбы людей, оказавшихся в сложных жизненных ситуациях, в том числе и в ситуации наказания.

Крупнейший отечественный мыслитель Л.Н. Толстой не раз обращался к теме наказания, искупления, заточения. Достаточно вспомнить такие его произведения, как «Война и мир» (1863-1870), «Кавказский пленник» (1872), «Воскресение» (1889-1899), «После бала» (1911). Роман «Анна Каренина» (1873-1877) в каком-то смысле также является произведением, затрагивающим тему несвободы. Тем не менее, Л.Н. Толстой принадлежит к такому поколению отечественных писателей, которое уже не занимало восторженно-трагичное отношение к теме неволи, плена, столь характерное для романтизма, а он был больше озабочен социальным контекстом преступлений и наказаний, ролью среды и падением нравов. И если в «Кавказском пленнике» можно обнаружить отголоски романтизма, то в целом творчество Л.Н. Толстого обнаруживает ту эволюцию, которая совершилась на пути отечественной литературы от романтических тенденций до вершины реализма. Один из главных тезисов толстовской философии, заключается в непротивлении злу насилием. Но что тогда наказание, если не насилие? Л.Н.Толстому глубоко противна тюрьма. Наказание для Л.Н.Толстого есть смерть, которую он «проживает», постигает (*мортальная культурно-антропологическая модель понимания наказания*).

Мортально-христианский дискурс и *мортально-христианскую, стоическую культурно-антропологические модели понимания наказания* можно найти у Ф.М. Достоевского, который был сослан на каторгу в Омск (1850-1854), вёл дневник «Сибирскую тетрадь», легший в основу «Записок из мертвого дома». Во многих романах писателя присутствует размышление о наказаниях, часто оно связано с душевными терзаниями человека, его внутренним страданием. Наказание связано с терпением, его нужно вытерпеть, хотя оно и меняет людей; и в этом есть проявление нравственного в человеке. Ф.М. Достоевский считал, что уголовное наказание не достигает цели (в этом он солидарен с А.П. Чеховым, высказывающим *скептическое отношение* к системе наказаний).

Близко с темой наказания был знаком А.П. Чехов, побывавший на Сахалине и написавший серьезное произведение, которое даже может претендовать на социологическое исследование. Приехав на Сахалин, он в первых главах своего произведения об этой поездке высказывает противоречивые эмоции в отношении каторги. С одной стороны, он гуманно

относится к осуждённым и осуждает телесные наказания. С другой, писателя временами посещает ужас, сменяющийся ощущением скуки в реальной каторжной действительности. А.П. Чехов обращает внимание на грязь и неопрятность всего, что связано с тюрьмой, каторжными, а после описания нечистоты этого места переходит к описанию моральной грязи в общении и отношениях людей, не только осуждённых, но и надзирателей. Вероятно, из этих наблюдений рождается и некоторое недоверие А.П. Чехова к осуждённым: как больной не может излечиться в антисанитарной обстановке, так и осуждённый не может перейти в состояние свободного и исправившегося человека. В целом видно не только скептично-брезгливое отношение А.П. Чехова к наказанию каторгой и к той среде, в которой содержались осуждённые того времени, но и сочувствующее отношение к людям в последних главах произведения. Телесное наказание плетьюми он называет отвратительным зрелищем, описание казни даёт сквозь призму чувств всех её участников: как осуждённых, так и надзирателей, с жалостью говорит о больных и циничном отсутствии врачебного вмешательства.

Творчество журналиста В.М. Дорошевича также ознаменовано произведением о Сахалине и каторге («Сахалин: каторга», 1903 г.). В этой работе размещены короткие очерки, касающиеся самых разных историй, сторон жизни осуждённых: смертной казни, законов и языка каторги, душевнобольных, людоедов, сектантов, каторжного театра и т.д. Писатель отмечает взаимовыручку каторжан, которые скидываются на взятку палачу, чтобы он сильно не наказывал провинившегося, помогают беглым. Вероятно, главной задачей этого произведения становилась попытка раскрыть читателю мир и психологию каторжанина, не всегда, по сути, исключительно виновного для столь сурового наказания: здесь мы видим *психологическую культурно-антропологическую модель понимания наказания*.

Ещё одним писателем, касавшимся темы тюрьмы, является известный русский анархист и революционер П.А. Кропоткин, оставивший такие сочинения, как «В русских и французских тюрьмах» (1887), «Записки русского революционера» (1902) и т.д. Как и Ф.М. Достоевский, он представляет в литературе свой личный, уникальный опыт несения сурового наказания посредством лишения свободы. Книга «В русских и французских тюрьмах» даёт представления не только о местах заключения, но также касается Сибири, Сахалина, Петропавловской крепости, затрагивает тему «иностранцы в русских тюрьмах»; анархист выступает с критикой тюрьмы, стараясь опираться на мнение исследователей-социологов, психологов – ищет рациональное объяснение причинам преступлений.

Русская культура знает примеры и других произведений, обличающих проблемы наказаний, навеянных опытом авторов, несших наказание; написанных на рубеже XIX-XX века, поскольку именно в этот период времени проблема человека перед законом, государством стала необыкновенно остра. Однако, несколько иная ситуация возникает вокруг творчества М. Горького, написавшего рассказ «Тюрьма». Скепсис Горького не был продолжен другими литераторами, и можно сказать, что развитие жанра «пенитенциарной» литературы было продолжено.

В советское время издавались книги о царской тюрьме и ссылке, о деятельности подпольщиков-революционеров, а с 90-е годов XX века стала издаваться «криминальная» литература (не только художественная, но и документальная) и выходить «криминальные» сериалы (жёстко обличающие всё, что касается криминального мира и коррупционной болезни уголовно-правовой системы государства). Отдельную нишу заняли издания, порой скандально раскрывающие суть судебного делопроизводства советского периода и поднимающие тему репрессий.

Во *втором параграфе «Понимание практик наказания в экзистенциальном опыте заключённых»* исследован антропологический и экзистенциальный опыт практик наказания, широко представленный в творчестве осуждённых. Это позволяет описать и реконструировать антропологический опыт наказания заключённых разных периодов в истории культуры России и представляющие его культурно-антропологические модели понимания практик наказания.

Ещё в 1908 году фольклорист Вильгельм Наполеонович Гартевельд побывал в Сибири и начал собирать образцы песенного творчества заключённых, ссыльных и впоследствии не только издал множество таких песен, но и выпустил грампластинки и организовал ансамбль, концерты и лекции по специфическому материалу, ознакомил с ним самую разную российскую публику и научное общество, выступая перед представителями Музыкально-этнографической комиссии Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

В традиционном (дореволюционном) тюремном фольклоре отражены как литературно-музыкальные, стилевые тенденции разных веков, так и христианская тематика, образы. В некоторых фольклорных текстах тюрьма трактуется как *иное пространство*, резко отличающееся от обычного жизненного, воспринимается как *место inferнальное* (находится под землей, связано с мучениями; так же присутствует указание на какие-либо

запоры, железные предметы – вспомним суеверия, связанные с кузнечным делом). В описании тюремного ада присутствуют такие характеристики, как «огонь вечный», «тьма внешняя». В тюремном творчестве отражены как литературно-музыкальные, стилевые тенденции разных веков, так и христианская тематика и образы.

Фольклористика слабо зафиксировала по политическим мотивам примеры тюремного творчества заключённых времён СССР. Такие произведения, вероятно, никто и не опубликовал бы (если только они не находятся в каких-либо служебных архивах), так как их издание было бы невозможно без литературной обработки и цензурных правок. Кроме того, издавать такого рода произведения не имело смысла, с точки зрения «общественной морали». С другой стороны, творчество осуждённых, отбывающих наказание во времена СССР всё же фрагментарно сохранилось в отдельных источниках. Надо признать, что главный мотив многих стихотворений – критика системы наказаний за её жесткость и безжалостность, формализм, призыв забыть опыт тюрьмы.

В истории ранней советской России известен период, когда начали осмысливаться революционные события и опыт бывших политзаключённых, которые были на царской каторге или ссылке. Оставленные ими записи, воспоминания свидетельствуют об отрицательном отношении не только к государственной системе наказаний, но и к жестокости, виденной ими на местах. Свобода революционера XIX века нуждалась в «антитезисе»: несвобода (старого) порядка. Каторга, тюрьма, угнетения выступили подстрекательным фактором русской революции; а в биографии очень многих революционных деятелей присутствует опыт столкновения с системой наказаний царской России. Впоследствии факт пребывания в тюрьме или на каторге сакрализировал образ мученика за свободу, а мысль о том, что страдания принесены в жертву ради будущих поколений или всего народа, даже всего человечества, способствовала отличию революционеров, бывших осуждённых, от преступных уголовных элементов, также имевших опыт несения наказания. В то же время, привычки, полученные в стеснённых условиях революционером-подпольщиком, воспитывали его характер и воспитывали множество достаточно положительных качеств: простоту потребностей, умение налаживать контакты, смекалку. Тюрмное заключение, как факт биографии одновременно и возвышал, и упрощал образ революционера, делал его близким народной бедноте. Можно заметить при обращении к (авто)биографическому материалу русских революционеро-

анархистов, что здесь присутствует *бунтарская, протестующая культурно-антропологическая модель понимания наказания*.

У некоторых крупных советских поэтов и писателей, в своё время переживших опыт заключения, существуют интерпретации наказания в литературных произведениях. В произведениях Варлама Шаламова чувствуется жёсткая установка на выживание, отношение к лагерным наказаниям как к бессмысленным, жестоким, ненужным, однако выжить в лагере можно, но для этого придётся пересилить себя, и лагерная жизнь полностью меняет человека, делая из него худшую копию самого себя. В творчестве Шаламова представлена *этико-отрицающая культурно-антропологическая модель понимания наказания*, автор уделяет внимание моральным сторонам лагерной жизни и протестует против разложения человеческой личности.

В повести (рассказе) «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицын раскрывает жизнь «на зоне» как череду мелких забот, обстоятельств, радостей, случайностей. Главный герой Шухов находит время и возможности для всего, в итоге его день, в целом складывается удачно, хотя герою предстояло пережить немало мучений. А.И. Солженицын как бы подчёркивает обычность жизни и незначимость существования человека в заключении множественным употреблением уменьшительных суффиксов в существительных. В произведениях А.И. Солженицына угадывается *экзистенциальная культурно-антропологическая модель понимания наказания*, как глубокого опыта выживания и перенесения страданий, которые, как будто, уже даже не замечаются. Хотя этот экзистенциальный опыт был им излишне политизирован, а порой и мифологизирован в «Архипелаге ГУЛАГ».

Схожие ощущения и опыт выражают заключённые и современных российских пенитенциарных учреждений. Их творчество, как правило, обращено к категории людей, имеющих схожий жизненный опыт, но звучат и личные переживания. Тюрма как будто становится местом публичного «излития души» – неслучайно тюремное и псевдотюремное творчество становится известно далеко за пределами исправительных учреждений, представлено в СМИ и культурно-развлекательных проектах. Данная интерпретационная модель наказания может быть указана, как *лирико-романтическая культурно-антропологическая модель понимания наказания*, поскольку она даёт возможности обратить такое творчество на публику и добиться ответной, живой, эмоциональной реакции на судьбу автора, фактически изгнанного из жизни социума.

Практики наказания, репрезентированные современными субъектами, имеющими опыт наказания, необязательно носят негативный характер и часто раскрывают множество других аспектов отношения к наказанию. В творчестве осуждённых раскрывается беззащитность человека перед обстоятельствами, осуждается излишняя жестокость окружающих, рассматриваются варианты перерождения личности человека, описываются его страдания и т.д.

В **Заключении** сформулированы основные выводы и результаты диссертационного исследования и перспективы дальнейшего исследования философской проблематики, обозначенной в работе.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

В издании, индексируемом в Scopus

1. The reflection of the punishment practice of heterodoxy in the subculture of prisons of the past centuries // // SHS Web of Conferences 72 3019 (2019). APPSCONF-2019. URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20197203019> (in coauth.). (0,5/0,2 п.л.)

В журналах из списка ВАК

2. Наказание как философский концепт. Проблема ускользающих контекстов // Вестник МГУКИ. – № 1 (87). 2019. – М., – С. 37-44. (0,5/0,25 п.л.) (в соавт.).

3. Между стыдом и казнью. Феномен наказания в русской культуре XVII – начала XIX века // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – Том 44, № 2. 2019. – С. 305-311. (0,5 п.л.).

4. Наказание религиозного инакомыслия в пространстве европейской культуры средних веков: философско-антропологическая рефлексия // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – № 3 (31), 2019. – С. 191-200. (0,5/0,25 п.л.).

В других научных сборниках и журналах

5. Образы природы в творчестве осуждённых XIX века // Наука. Искусство. Культура. Вып. 1 (21). – Белгород, 2019. – С. 32-38. (0,5/0,2 п.л.) (в соавт.).

6. История наказаний за уголовные преступления в России // Наука. Искусство. Культура. Вып. 2 (22). – Белгород, 2019. – С. 105-108. (0,4/0,2 п.л.) (в соавт.).

7. Изучение тюрьмы и преступности в России XIX и начала XX веков // Наука. Искусство. Культура. Вып. 4 (20). – Белгород, 2018. – С.126-130. (0,5/0,25 п.л.) (в соавт.).